

К ИСТОРИИ ФИНИФТЯНЫХ ШКОЛ В РОСТОВЕ ВЕЛИКОМ

Л. Ю. Мельник

В литературе уже сложилось определенное мнение об истории ремесленных финифтяных школ в Ростове. Впервые информация об этапах этой истории была опубликована И. М. Сусловым. В книге «Ростовская эмаль» он писал: «В 1900 г. по инициативе местного археолога И. А. Шлякова и художника Звонилкина в Ростове была открыта школа рисования, резьбы по дереву и живописи по эмали», эта попытка оказалась не слишком удачной, в отличие же от нее «открытая в Ростове в 1911 году от Министерства земледелия и торговли вторая специализированная школа-мастерская сыграла более прогрессивную роль в развитии промысла»¹. Отметим, что автор излагал историю ремесленных финифтяных школ без каких-либо ссылок на документы. Можно предполагать, что он пользовался при этом воспоминаниями старых мастеров.

Последующие авторы более или менее полно заимствовали у И. М. Суслова или друг у друга эти сведения — об этом говорит, несмотря на отсутствие сносок, частичное или абсолютное совпадение текстов².

Однако, как показал анализ опубликованных и архивных документов, историю финифтяных школ в Ростове И. М. Сулов описывает неверно.

Начнем с того, что первоначально не было намерения устраивать школу для обучения именно финифтяному ремеслу. Предполагалось создание «резной школы». Об этом свидетельствуют, например, воспоминания художника П. И. Петровичева (1874—1947 гг.): «Мне было тогда лет тринадцать-четырнадцать... Отцу посоветовали обратиться к городскому голове или к помощнику директора Ростовского музея церковных древностей... В это время там был Шелеков (Шляков — Л. М.), ростовский купец. Он посмотрел мои рисунки и сказал: «Хорошо рисует. У нас скоро открывается резная школа, и он у нас будет первым учеником». Отец согласился...»³.

О том же намерении устроить «резную школу» говорит следующее письмо ярославского губернатора председателю ростовской уездной земской управы от 20 октября 1890 года: «Милостивый государь, Александр Михайлович. В Ростове

есть, как вы изволите знать, прекрасный мастер резных работ Леозоров, произведения которого своею художественностью обращают на себя внимание не только у нас в России, но и за границей. Так, по словам нашего знаменитого художника В. В. Верещагина, сделанные Леозоровым рамки для картин его (Верещагина) обратили в Париже общее внимание изяществом и тонкостью работы, и если бы не крайне плохая позолота этих рамок, то они, по словам людей компетентных, представляли бы большую ценность. В справедливости такого отзыва вы изволите и сами убедиться, осмотрев работы резчика Леозорова, которые находятся в ростовском кремлевском музее. К сожалению, мастерская Леозорова поставлена в такие условия, что его работы не могут получить ни дальнейшего усовершенствования, ни более или менее широкого распространения, а со смертью самого Леозорова эта замечательная отрасль кустарного производства легко может и совсем исчезнуть... Озабочиваясь желанием поддержать и, по возможности, сохранить упомянутое кустарное производство в Ростове, где имеются великолепные образцы древнерусской резьбы в ростовском музее церковных древностей, я решаюсь обратиться к вам, глубокоуважаемый Александр Михайлович, с покорнейшею просьбою, не найдете ли вы возможным внести на обсуждение предстоящего очередного уездного земского собрания вопрос о назначении на этот предмет денежной субсидии от земства. Я имею основания думать, что на это дело ростовская городская дума назначит из городских средств 500 рублей. В настоящее время я затрудняюсь ранее определенно предрешить вопрос о том, в какой форме будет устроено обучение кустарей означенному производству... было бы весьма желательно устроить для этого особое ремесленное отделение при одной из школ в городе Ростове с классами рисования под ближайшим руководством и попечением ростовского музея церковных древностей, в распоряжение которого и должна быть отпущена земская субсидия...»⁴.

Из этого письма можно сделать вывод и о причастности к устройству школы художника В. В. Верещагина. А документ из архива Ростово-Ярославского архитектурно-художественного музея-заповедника прямо говорит о том, что эта школа основана по инициативе «известного художника, почетного члена Ростовского Музея покойного Василия Васильевича Верещагина»⁵.

Итак, как видно из цитированных документов, идея устройства «резной школы» возникла в конце 80-х гг. XIX в., в конце же 1890 г. она уже имела поддержку на губернском и на уездном уровнях — гласные уездного земского собрания одобрили предложение губернатора о субсидии в 500 рублей на устройство ремесленной школы для обучения резьбе по дереву — с условием, что «город даст на этот предмет такую же сумму», и что «в эту школу будут приниматься дети крестьян Ростовского уезда»⁶.

Само же открытие такой школы состоялось лишь 1 ноября 1898 г.⁷. Состоялось — «благодаря благопопечительному правительству, а также трудам и заботам комитета ростовского музея церковных древностей»⁸. Официальное название ее было следующее: «Ремесленный класс рисования, иконописи; резьбы и позолоты по дереву, состоящий в ведении Ростовского музея». На устройство класса к этому времени составились следующие средства: 500 руб., субсидированных от уездного земства по решению земского собрания 1890 г., 100 руб., образовавшихся с предыдущей суммы в качестве процентов за прошедшие восемь лет; 700 руб., выделенных по «Высочайшему повелению от 19 января 1898 г.» от Департамента Торговли и Мануфактур. Кроме того, из того же Департамента уже в начале 1899 г. поступило еще 1000 руб. Первая субсидия от ростовской городской думы поступила значительно позднее — в конце 1900 г.⁹.

Ремесленный класс начинал свою работу при следующем преподавательском составе: инспектор класса, он же — преподаватель черчения и геометрии И. П. Побединский, учитель рисования Н. Д. Космачев, преподаватель резного искусства И. А. Солярский, несколько позже, но в том же 1898/99 учебном году к ним присоединился преподаватель позолотного дела Никольский¹⁰.

Преподавались в школе, как понятно из списка преподавательских специальностей, техническое рисование, черчение, резьба и позолота по дереву.

В первом учебном году в классе училось 40 учеников, в том числе из мещанского сословия — 15 человек, из крестьянского — 20, по одному — из дворянского, духовного, купеческого, двое — из детей военных¹¹.

С 1901/02 учебного года ремесленный класс находился в здании городского 4-классного училища на улице Покровской (дом, пожертвованный городу купцом Д. М. Плешановым)¹².

Распорядок занятий не отличался от распорядка, общего для этого училища. Однако в каникулярное летнее время по желанию занимающиеся в резном отделении могли приходить в класс два раза в неделю¹³.

Уже в первые годы существования ремесленного класса были достигнуты определенные успехи. Так, двое учащихся из первого набора были приняты по ходатайству попечителя класса И. А. Шлякова в «московское центральное Строгановское училище Императора Александра III, на казенный счет...»¹⁴. В 1902 г. на Всероссийской кустарно-промышленной выставке в Санкт-Петербурге были выставлены работы учащихся, за которые Ростовскому музею присудили малую серебряную медаль «За распространение среди кустарей образцов старинного русского стиля», свидетельство на эту медаль вручили попечителю «Ростовского ремесленно-рисовального и резно-позолотного класса» И. А. Шлякову¹⁵.

Обучались в ремесленном классе преимущественно ученики городского четырехклассного училища. Однако в отчетах за 1901/92 учебный год из общего количества учащихся выделяются уже 28 «учеников училища» и 5 «посторонних лиц». «Посторонние лица», как ясно из документа, — это люди в возрасте от 17 до 23 лет, двое из них имеют уже трудовой стаж 1 год, двое — два года, один — три года. Все они принадлежат к городским сословиям¹⁶. Из другого документа становится ясно, кто были эти «посторонние лица». В начале 1903 г. из ремесленного класса сообщалось в городскую управу о том, что в 1901 и 1902 гг. «как в резном отделении классов занимались и взрослые лица, обучаясь в нем столярному и резно-позолотному мастерству, так равно и в рисовальном классе обучались рисованию и графическим искусствам взрослые лица, преимущественно из местных мастеров по финифтовой живописи»¹⁷.

О том, что с самого начала существования класса прослеживалась некоторая ориентация на развитие иконописно-финифтяного промысла, говорят такие факты, как наличие среди расходных статей ремесленного класса затрат на приобретение «икон финифтовой живописи и местных ремесленников И. А. Виноградова, П. Н. Евдокимова» (1899 г.)¹⁸.

А в 1903 г. в «Сведениях о ремесленном классе рисования, иконописи, резьбы и позолоты по дереву» уже подчеркивается: «основной целью учреждения ремесленной в г. Ростове школы было стремление комитета Ростовского музея

поднять упавшую в последнее время, повсеместно, кустарную промышленность и существующей в г. Ростове финифтовой иконописи (единственной в России) привить надлежащее художественное развитие»¹⁹.

Вообще, надо считать, 1903 г. был для ремесленного класса переломным. В июне 1903 г. составляется цитированный выше документ. В сентябре того же года уездное земское собрание принимает решение о том, «чтобы школою было обращено внимание на финифтовое дело»²⁰. В ноябре на совещание «относительно предложенного при Ростовской ремесленной школе открытия классов рисования — для обучения живописи по финифти» — приглашаются «в иераршую Белую палату» преподаватели ремесленного класса С. А. Юдин (инспектор 4-классного училища), Н. В. Роговицкий и Н. П. Костюков (преподаватели рисования), член уездной земской управы А. А. Маринин и «содержатели финифтовых мастерских» Алекс(ей) Иванович Уткин, Александр Алексеевич Назаров, Павел Николаевич, Иван Николаевич и Дмитрий Иванович Евдокимовы, Сергей Дмитриевич Воронов, Иван Александрович Виноградов и Алексей Васильевич Соловьев²¹.

Итогом всей этой работы в течение года было открытие «воскресных занятий для финифтинников в помещении рисовального класса при городском училище». Молебствие по этому поводу решено было провести 30 ноября 1903 года²².

Собственно же «классы рисования и иконописи» «в видах развития художественного образования и вкуса среди здешних мастеров по финифтовой живописи» были открыты с декабря 1903 г., в них «по воскресным и праздничным дням» обучались в начале 1904 г. 11 мужчин и 2 женщины — «финифтовые мастера»²³. Руководство же этими «специальными классами» было возложено на «специалиста по финифтовой иконописи» А. А. Назарова²⁴.

Первые месяцы финифтяникам по-прежнему преподавалось лишь рисование, преподавателями по этому предмету были Н. В. Роговицкий и Н. П. Костюков²⁵. Документы показывают полную необоснованность принятого мнения о том, что у истоков школы стоял учитель рисования Звонилкин. Его фамилия впервые появляется в финансовых документах школы в отчете за 1905/06 учебный год²⁶, жалованье впервые он получил в октябре 1905 г.²⁷. Преподавал он в этой школе, видимо, до начала 1909/10 учебного года²⁸.

Лишь 22 марта 1904 г. состоялось заседание комитета Ростовского музея, на котором обсуждались вопросы оборудования мастерской при школе — устройства печи для обжига, столов, ассигнования на покупку красок для живописи по финифти²⁹.

Счет за устройство печи печнику А. Н. Паутову был выдан уже 25 марта; 14 апреля оплачен счет А. А. Назарова за покупку в Москве «металлических красок для живописных работ по финифти в школе»³⁰. А. А. Назаров же обеспечивал с самого начала и комплектование коллекции «наглядных пособий». Он неоднократно продавал «учебные пособия для финифтовой живописи», «образцы» — различные иконы³¹.

И позднее А. А. Назаров обеспечивал финифтяный класс материалами и «учебными пособиями». Так, в 1906 г. он получил по счету 47 руб. 66 коп. за «процесс письма по финифти, состоящий из 43 пластинок и др. учебные пособия»³²; доставил в школу «металлические краски»³³, «оправы для финифтовых образцов»³⁴.

Были поставки материалов и «образцов» и из иных источников. Так, в 1904 г. кроме А. А. Назарова в класс «материалы для живописи и для обжига финифтовых красок приборы» поставил А. Ф. Соловьев, «образцы для живописи по финифти» — Ф. А. Лопак, «кисти для живописи по финифти» — К. А. Фуртов³⁵. И в 1906 г. К. А. Фуртов снабжал класс «красками для письма по финифти», выполнял «металлическую оправку» финифтовых образцов³⁶. В том же году поставщиком «красок для фарфора», кистей, угля назван Э. Курлянд³⁷.

Итак, «классы специально для обучения письму по финифти» были открыты с марта 1904 г. В одном из документов школы специально оговаривалось, что в этих классах обучаются «преимущественно малолетние (дети здешних финифтяников), ознакомляясь практически с финифтовой живописью под руководством одного из лучших мастеров по финифтовой живописи — А. А. Назарова»³⁸.

В смету расход на жалованье преподавателю живописи по финифти закладывается только с 1904/05 учебного года³⁹.

19 марта 1905 г. было удовлетворено заявление И. А. Шлякова об увольнении его от должности попечителя ремесленной школы, вместо него попечителем стал Александр Андреевич Титов⁴⁰.

В этот же период для ремесленной школы наступает серьезный кризис. Закончился срок, в течение которого «с Высочайшего соизволения» было положено «отпускать из средств Государственного Казначейства, начиная с 1-го января 1900 г. впредь в течение пяти лет по одной тысяче рублей в год в пособие ремесленного класса рисования, иконописи, позолоты и резьбы по дереву»⁴¹. А ведь эта тысячерублевая субсидия ежегодно была основным пособием, обеспечивавшим существование школы. И с 1904 г. Комитет Ростовского музея церковных древностей занимался поиском возможностей продолжения выдачи субсидий: составлял прошения в Министерство Финансов⁴². Кроме того, с 1905 г. сократила сумму пособия школе и городская управа: вместо 400 руб. отпустила 100 руб. — из-за «значительного увеличения расходов города на народное образование»⁴³.

На 1905 г. министр финансов согласился на выдачу субсидии в 1000 руб.⁴⁴

Хлопоты об отпуске субсидии от министерства стали ежегодными. В 1906 г. министр торговли и промышленности, первоначально отказав в пособии, позднее все же выделил 500 руб.⁴⁵

Из-за уменьшения пособий руководство школы, Комитет музея искали другие возможности пополнения доходной статьи. В 1906 г. в доходе кроме 500 руб. пособия из Департамента Торговли и Мануфактур Министерства Финансов, 200 руб. из Ростовской городской управы и 300 руб. из Ростовской земской управы значились также поступления в 400 руб. от Ростовского Общества Взаимного Страхования от огня недвижимого имущества, 300 руб. от Товарищества Мануфактур Каретниковой с сыном⁴⁶

В следующем, 1907 г. субсидия от казны составила всего 292 руб. 50 коп., плюс к этому 500 руб. от городской и земской управ. Поэтому «городской голова и члены музея обратились с просьбой к обществам и частным лицам о пожертвовании» — и получено было в общем 900 руб.⁴⁷

И впоследствии имелся приток таких пожертвований. В 1907 г. 200 руб. пожертвовано было от Товарищества Ростовской Льяняной Мануфактуры⁴⁸.

В 1907 г. в классе иконописи по финифти обучались «дети здешних мастеров по финифти, числом до 15, преимущественно крестьян Ростовского уезда, Спас-Песковской и Спас-Графской слобод»⁴⁹.

Осенью 1907 г. товарищ председателя комитета музея А. А. Титов и член комитета И. А. Шляков писали, в очередной раз обращаясь с прошением о пособии в Министерство: «За 10-летний период своего существования школа положительным образом доказала свою жизненность и безусловную полезность для населения, поднимая художественный вкус, с одной стороны, и совершенствуя технику ремесленников, с другой, она тем самым способствует увеличению заработка, а, главным образом, не дает забыться древнему русскому искусству — финифтовой иконописи и живописи»⁵⁰.

В 1908 г. от Департамента Торговли и Промышленности поступило 1000 рублей, городская управа выделила 200 руб., земская — 100 руб. Продажа изделий учащихся на выставке 16—20 апреля дала 45 руб. 40 коп.⁵¹.

С 1908/09 учебного года деньги из Министерства Торговли и Промышленности стали поступать с расчетом по месяцам. В этом же учебном году Товарищество Ростовской Льянной Мануфактуры дало школе единовременное пособие в 500 руб. «для покрытия дефицита»⁵².

22—25 октября 1911 г. проведена была лотерея в пользу школы — она дала 788 руб.⁵³.

В 1914 г. возникла идея о преобразовании ремесленной школы. Руководство Ростовского высшего начального училища, при котором, как сказано выше, школа существовала, предложило преобразовать школу при Ростовском музее в «профессиональные классы» при высшем начальном училище⁵⁴. Вероятно, это была попытка хоть каким-то образом разрешить постоянные финансовые затруднения.

Музей согласился на это, предлагая в качестве субсидии 1400 руб., при нескольких условиях. Одно из условий — «сохранить преподавание живописи по финифти». Подсовет училища, первоначально предполагая преподавание лишь столярно-резного ремесла, затем согласился на предложение музея⁵⁵.

Видимо, преподавание финифтовой живописи велось вплоть до конца 1914 г., а затем прекратилось. За декабрь 1914 г. последний раз было выдано жалованье А. А. Назарову⁵⁶. В 1915 г. в финансовых документах вообще нет упоминаний о каких-либо выплатах жалованья преподавателю финифтовой живописи⁵⁷. Примерная смета ремесленной школы на 1914/15 учебный год, однако, предусматривала затраты на жалованье «художнику живописи по финифти»⁵⁸.

В дальнейшем в школе преподавали лишь резьбу по дереву, работали преподаватель столярно-резного мастерства П. А. Старчиков и преподаватель рисования Е. В. Третьякова⁵⁹. И. А. Солярскому последний раз выплачено жалование в июле 1915 г.⁶⁰

Однако надежда на восстановление преподавания финифти в ремесленной школе продолжала жить — в конце 1916 г. инспектор высшего начального училища С. Макшеев предлагает члену попечительного совета училища Д. А. Иванову для рассмотрения устав «профессиональных классов по столярно-резному ремеслу и живописи по финифти», состоящих при высшем начальном училище⁶¹.

Ремесленный класс, видимо, прекратил свое существование летом 1918 г. — 20 августа 1918 г. датирована последняя выдача содержания служащим ремесленного класса⁶².

* * *

Прекращение деятельности в ремесленной школе класса финифтовой живописи, очевидно, было связано с устройством в Ростове учебно-показательной финифтяной мастерской.

На очередной сессии ростовского уездного земского собрания, состоявшейся осенью 1911 г., рассматривалось письмо председателя Ярославской губернской землеустроительной комиссии графа Д. Татищева к председателю управы С. М. Леонтьеву, из которого понятно, что в 1910 г. состояние финифтяного промысла в Ростове изучал профессор А. М. Соколов. В докладе Соколова об итогах его работы, о выводах, содержится проект создания другой, нежели та, что существует при местном городском училище, школы финифти.

А. М. Соколов коротко характеризует работу финифтяного класса: «художественные классы посещаются преимущественно учениками городского училища... это учреждение... является совершенно оторванным от жизни кустарей и их технических нужд и как бы не для них созданным... Тем не менее польза, приносимая художественными классами, особенно финифтяным отделением при них, могла бы быть усилена, если бы занятия в нем велись с большей интенсивностью (не один раз в неделю) и не ограничивались бы одною живописною работою. При всем том преподавание рисования совершенно не согласовано с постановкою преподавания финифтяной живописи — то и другое ведется разными преподавателями, совершенно независимо друг от друга. К работам в финифтяном классе приступают лица, — хотя в

большинстве случаев и обучавшиеся рисованию, но никогда не работавшие красками, так как в программу рисовального класса ни одного из видов живописи не включено. Метод обучения в финифтяном классе чисто подражательный — ученики должны обучаться делу, копируя действия учителя... Наибольшее число учеников-финифтянчиков, кое-как обучившихся, по окончании училища в большинстве случаев разрывают с мастерством всякую связь и усвоенные приемы ни к какому практическому делу не прилагаются»⁶³.

А. М. Соколов отмечал: «Меня лично положительно увлекает мысль посылить поработать в этой технической отрасли и попытаться справиться с теми задачами, которые весьма определенно намечаются даже при самом беглом ознакомлении с производством наших финифтянчиков. На первом плане должна быть поставлена разработка эмальерных составов, доступных кустарям по цене и по прочности удовлетворяющих специальным для финифти техническим требованиям. Кроме загрузочного и особенно эмалевого составов, необходимо выработать покровную легкоплавкую глазурь, для поверхностного покрытия живописи, как это делалось на старинной финифти. Секрет такого покрытия ныне утрачен... Мне думается, — как показали наши начальные лабораторные попытки, увенчавшиеся уже некоторым успехом, — что с выработкой рецептов мы будем в состоянии справиться, даже и для пластин самого крупного формата. ...Введение в практику наших финифтянчиков улучшенных и облагороженных составов потребует коренных изменений в устройстве обжигательных печей, в приспособлениях для плавления глазурей и пр., и что самое изготовление глазурных и эмалевых составов понадобится организовать на месте»⁶⁴.

Делал автор доклада и конкретные предложения по устройству мастерской, организации ее работы. Он предлагал учредить учебно-показательную мастерскую «по меньшей мере с 2-годовалым курсом, совмещающую преподавание техники дела с общей, правильно поставленной художественной подготовкой... Она должна быть оборудована в соответствующем масштабе (весьма скромном: небольшими плавильными печами для изготовления глазурных, эмалевых и красочных фритт и иметь при себе склад сырых материалов и красок, а также всех необходимых в деле инструментов... установить для известного числа учеников небольшие стипендии или пособия, так как единственно при этом условии школа является доступной для массы рядовых кустарей... число уче-

ников стипендиатов в мастерской не должно быть более 10...»⁶⁵.

А. М. Соколов предлагал следующее оборудование мастерской: 2 печи для плавления глазурей, 2 муфельные печи для обжига пластинок и живописи, глазурные ручные мельницы разных размеров, библиотека, оригиналы, альбомы, верстаки — на все ежегодного расхода (вместе с жалованьем учителю рисования и акварельной живописи, мастеру-финифтщику и мастеру-белоготовельщику, стипендиями, платой за отопление, освещение и наем помещения, прислуги) — 4500 руб.⁶⁶.

После первичного обсуждения вопроса земское собрание поручило И. А. Шлякову и Александру Андреевичу Титову дать заключение по поводу этих документов⁶⁷.

Точной даты устройства этой мастерской пока установить не удалось, но можно предполагать, что она была открыта не ранее 1912 г.: именно в 1912 г. в местной «Ростовской газете» прошло сообщение о том, что Главное управление земледелия и землеустройства ассигновало 2452 рубля на «оборудование финифтяной учебно-показательной мастерской»⁶⁸.

Возможно, 1912/13 учебный год был первым учебным годом мастерской: имеются документы о выдаче жалованья преподавателям мастерской, начиная с января 1913 г.⁶⁹. Стипендии же учащимся стали выдаваться в мастерской с марта 1913 г.⁷⁰.

Судя по ведомостям о выдаче жалованья, с начала 1913 г. в мастерской преподавали: заведующий и учитель рисования Федор Григорьевич Сергеев, мастер финифтянщик Александр Алексеевич Назаров, обязанности мастера белоготовельщика исполнял он же⁷¹. Сам А. А. Назаров в документе 1939 г. пишет, что он «с 1912 г. работал в школе фин. живописи»⁷². Имеется в виду, конечно, не класс финифти в ремесленной школе, где, как показано выше, Назаров работал с 1903 по 1914 гг. С 1913 г. мастером-белоготовельщиком стал Дмитрий Николаевич Левский⁷³.

Стипендиатами в мастерской с марта 1913 г. были Дмитрий Агафонов, Михаил Гамзин, Константин Жерехов, Надежда Калашникова, Елизавета Колышкина, Иван Лаврентьев, Иван Паутов, Николай Селиверстов, Николай Старчиков, Николай Травин — 10 человек. Всем платили стипендию в 5 руб.⁷⁴.

Ясно, что при организации мастерской была реализована та программа, которую сформулировал в своем докладе профессор А. М. Соколов, вплоть до мелочей. Как он и предлагал, число стипендиатов определили в 10 человек, стипендию поставили 5 руб. Из списка профессий преподавателей ясно, что изучались не только рисование и живопись, собственно живопись по финифти, но и технология подготовки пластинок для росписи — для этого и потребовался мастер-белоготовельщик.

В 1917 г. мастерской заведовал Николай Алексеевич Смирнов, мастером-финифтянщиком был по-прежнему А. А. Назаров, белоготовельщиком — Евграф Никандрович Левский. С января 1917 г. стипендиатами состояли Николай Дубков — получал 25 руб., Лидия Арефьева — 20 руб., Елизавета Колышкина — 14 руб., Константин Жерехов — 14 руб., Старчиков Николай — 14 руб., Паутов Иван — 14 руб., Гамзин Михаил — 10 руб., Лаврентьев Иван — 11 руб., Соколов Иван — 9 руб., Попов Василий — 9 руб., Аргунов Сергей — 7 руб., Агафонов Дмитрий — 7 руб., Лебедева Варвара — 5 руб., Пичкин Александр — 5 руб., Шишова Вера — 2 руб.⁷⁵

Есть сведения о наличии подписей на работах учащихся. Так, современная исследовательница Л. Л. Полушкина сообщает, что в собрании Ярославского музея-заповедника есть финифтяные изделия, на одном из которых, на донышке «можно прочесть: «УП.—Ш. Ф. Писал-Н-Дубков, 21.1.1917 года в г. Ростов Яр-ъ»⁷⁶. Вообще, по ее же свидетельству, буквы «У», «П», «Ш», «Ф» имеются и на работах других учащихся⁷⁷.

Стипендия в вышеприведенном списке значителна разная, видимо, — в зависимости от мастерства, успешности в учении, от того, какой сбыт находит продукция каждого из учеников. Очевидно, что в этом списке немало лиц, которые были и в списке 1913 г., то есть курс обучения растягивался не на один-два года, а длился дольше.

Не случайно список 1917 г. возглавляет Николай Дубков, получатель наиболее значительной стипендии. Спустя некоторое время, с начала нового учебного года он, Николай Иванович Дубков, уже значителна как «оставленный при мастерской выученик ея». На таком же положении была другая «выученица» — Лидия Ивановна Арефьева — оба с августа 1917 г.⁷⁸

В ноябре 1917 г. стипендиаты — Старчиков, Жерехов, Паутов, Колышкина, Соколов, Агафонов, Лебедева, Александр Сеницын, Николай Киселев, Александр Коробов, Борис Баландин⁷⁹.

Мастер-белоготовельщик Дмитрий Левский, видимо, было призван в действующую армию — его семья получала из мастерской пособие⁸⁰.

Поставщики материалов у мастерской были, в основном, те же, что и у ремесленной школы. Так, «краски фарфоровые» поставлял К. А. Фуртов⁸¹, а также петроградский магазин художественных, рисовальных, чертежных и канцелярских принадлежностей Б. Аванцо (в счете значится: «продано и отпущено Вам: 76 красок для фарфора на сумму 35 р.»)⁸².

Распространено мнение, что эта учебная мастерская с революцией прекратила свое существование, а после революции возникла «новая (третья по счету) школа финифтяного мастерства», при артели финифтянщиков⁸³.

Однако Л. Л. Полушкина сообщает, правда, без аргументации, что эта учебно-показательная финифтяная мастерская (школа) не была распущена, а продолжала свою деятельность, но перешла в ведение созданной в 1918 г. «на кооперативных началах» артели ростовских финифтянщиков⁸⁴.

О наличии преемственности косвенно свидетельствует документ 1922 г., за подписью А. Звонилкина, в этом документе говорится, что «финифтяная учебно-показательная школа существует более 20 лет»⁸⁵.

Однако послереволюционная история профессиональных финифтяных учебных заведений в Ростове должна стать темой отдельного исследования.

¹ Су слов И. М. Ростовская эмаль. Ярославль, 1959. С. 22.

² Тюнина М. Н. Ростов Великий. Ярославль, 1969. С. 81; Ковалев И. А. Ростов Ярославский. М., 1971. С. 88; Тюнина М. Н. Ростов Ярославский. Ярославль, 1979 (изд. 2-е). С. 112; Иванов В. Ростов. Углич. М., 1975 (изд. 2-е). С. 134; Кривоносов В. Ростовский музей-заповедник. Ярославль, 1985. С. 153; Вахрина В. Цветы ростовской финифти // «Художник». М., 1989. № 3. С. 6.

³ Художник П. И. Петровичев. Сборник материалов и каталог выставки. М., 1988. С. 33.

⁴ Журналы Ростовского уездного земского собрания. Очередная сессия 1890 г. Экстренное заседание 7 февраля 1891 г. Ярославль, 1891. С. 144—145.

⁵ РЯ АХМЗ, А-7, л. 25.

⁶ Журналы Ростовского уездного земского собрания. Очередная сессия 1890 г. ... С. 145—146.

⁷ РФ ГАЯО, ф. 60, оп. 1, ед. хр. 2, л. 20 об.

⁸ Журналы Ростовского уездного земского собрания, очередная сессия 1899 г. Ярославль, 1899. С. 63.

⁹ РФ ГАЯО, ф. 60, оп. 1, ед. хр. 2, л. 7—7 об.

¹⁰ РФ ГАЯО, ф. 60, оп. 1, ед. хр. 2, л. 8, 9.

¹¹ Журналы Ростовского уездного земского собрания, очередная сессия 1899 г. ... С. 63.

¹² Иванов Д. А. Спутник по Ростову Великому. Ростов, 1912. С. 113; РФ ГАЯО, ф. 60, оп. 1, ед. хр. 2, л. 20 об.

¹³ РФ ГАЯО, ф. 60, оп. 1, ед. хр. 2, л. 21.

¹⁴ Журналы Ростовского уездного земского собрания, очередная сессия 1899 г. ... С. 63.

¹⁵ РФ ГАЯО, ф. 60, оп. 1, ед. хр. 2, л. 30.

¹⁶ РФ ГАЯО, ф. 60, оп. 1, ед. хр. 2, л. 20 об. — 21.

¹⁷ РФ ГАЯО, ф. 60, оп. 1, ед. хр. 2, л. 31; Журнальные постановления Ростовской городской Думы. За 1903 г. Ростов, 1904. С. 17.

¹⁸ РФ ГАЯО, ф. 60, оп. 1, ед. хр. 2, л. 9 об.

¹⁹ РФ ГАЯО, ф. 60, оп. 1, ед. хр. 2, л. 46.

²⁰ РФ ГАЯО, ф. 60, оп. 1, ед. хр. 2, л. 172.

²¹ РФ ГАЯО, ф. 60, оп. 1, ед. хр. 2, л. 57.

²² РФ ГАЯО, ф. 60, оп. 1, ед. хр. 2, л. 58.

²³ РФ ГАЯО, ф. 60, оп. 1, ед. хр. 2, л. 66.

²⁴ РФ ГАЯО, ф. 60, оп. 1, ед. хр. 2, л. 72—72 об.

²⁵ РФ ГАЯО, ф. 60, оп. 1, ед. хр. 2, л. 69.

²⁶ РФ ГАЯО, ф. 60, оп. 1, ед. хр. 2, л. 127; РФ ГАЯО, ф. 60, оп. 1, ед. хр. 1, л. 19 об.

²⁷ РФ ГАЯО, ф. 60, оп. 1, ед. хр. 1, л. 19 об.

²⁸ РФ ГАЯО, ф. 60, оп. 1, ед. хр. 1, л. 34, 35.

²⁹ РФ ГАЯО, ф. 60, оп. 1, ед. хр. 2, л. 67—67 об.

³⁰ РФ ГАЯО, ф. 60, оп. 1, ед. хр. 1, л. 10.

³¹ Например, 5 мая 1904 г. А. А. Назаров продал в школу икону Александра Невского за 15 руб. (РФ ГАЯО, ф. 60, оп. 1, ед. хр. 10, л. 10 об.), 29 мая — икону св. Николая за 17 руб., 21 июня — икону Владимирской Богоматери за 15 руб., 28 июля — икону Димитрия Ростовского за 15 руб. (РФ ГАЯО, ф. 60, оп. 1, ед. хр. 1, л. 69—69 об.), и прочее. Судя по цене, названные финифтяные иконы были довольно большими по размеру.

³² РФ ГАЯО, ф. 60, оп. 1, ед. хр. 2, л. 124 об.

³³ РФ ГАЯО, ф. 60, оп. 1, ед. хр. 2, л. 119.

³⁴ РФ ГАЯО, ф. 60, оп. 1, ед. хр. 2, л. 127.

³⁵ РФ ГАЯО, ф. 60, оп. 1, ед. хр. 1, л. 90—92.

³⁶ РФ ГАЯО, ф. 60, оп. 1, ед. хр. 2, л. 125.

³⁷ РФ ГАЯО, ф. 60, оп. 1, ед. хр. 2, л. 127.

³⁸ РФ ГАЯО, ф. 60, оп. 1, ед. хр. 2, л. 69—69 об.

³⁹ РФ ГАЯО, ф. 60, оп. 1, ед. хр. 2, л. 55 об—56, 74—75.

⁴⁰ РФ ГАЯО, ф. 60, оп. 1, ед. хр. 2, л. 100.

⁴¹ РФ ГАЯО, ф. 60, оп. 1, ед. хр. 2, л. 77.

⁴² РФ ГАЯО, ф. 60, оп. 1, ед. хр. 2, л. 77—78 об., 87—87 об.

⁴³ РФ ГАЯО, ф. 60, оп. 1, ед. хр. 2, л. 84.

⁴⁴ РФ ГАЯО, ф. 60, оп. 1, ед. хр. 2, л. 97.

⁴⁵ РФ ГАЯО, ф. 60, оп. 1, ед. хр. 2, л. 106, 109.

⁴⁶ РФ ГАЯО, ф. 60, оп. 1, ед. хр. 2, л. 129.

- 47 РФ ГАЯО, ф. 60, оп. 1, ед. хр. 2, л. 132—133.
- 48 РФ ГАЯО, ф. 60, оп. 1, ед. хр. 2, л. 143.
- 49 РФ ГАЯО, ф. 60, оп. 1, ед. хр. 2, л. 172.
- 50 РФ ГАЯО, ф. 60, оп. 1, ед. хр. 2, л. 150—152 об.
- 51 РФ ГАЯО, ф. 60, оп. 1, ед. хр. 3, л. 3.
- 52 РФ ГАЯО, ф. 60, оп. 1, ед. хр. 3, л. 1 об.
- 53 РФ ГАЯО, ф. 60, оп. 1, ед. хр. 1, л. 40.
- 54 РФ ГАЯО, ф. 5, оп. 1, ед. хр. 971, л. 22—22 об.
- 55 РФ ГАЯО, ф. 5, оп. 1, ед. хр. 971, с. 22—22 об.
- 56 РФ ГАЯО, ф. 60, оп. 1, ед. хр. 1, л. 55.
- 57 РФ ГАЯО, ф. 60, оп. 1, ед. хр. 1, л. 57.
- 58 РФ ГАЯО, ф. 5, оп. 1, ед. хр. 971, л. 8.
- 59 РФ ГАЯО, ф. 60, оп. 1, ед. хр. 1, л. 61, 62.
- 60 РФ ГАЯО, ф. 60, оп. 1, ед. хр. 1, л. 58.
- 61 РФ ГАЯО, ф. 5, оп. 1, ед. хр. 971, л. 25, 26.
- 62 РФ ГАЯО, ф. 60, оп. 1, ед. хр. 1, л. 67.
- 63 Журналы уездного земского собрания, очередной сессии 1911 г. Ярославль, 1911. С. 90—91.
- 64 Там же. С. 90—93.
- 65 Там же.
- 66 Там же.
- 67 Там же. С. 100—101.
- 68 РЯ АХМЗ, А-1073, л. 27.
- 69 РФ ГАЯО, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 1054, л. 1—1 об.
- 70 РФ ГАЯО, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 1054, л. 3.
- 71 РФ ГАЯО, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 1054, л. 1 об.
- 72 РФ ГАЯО, ф. Р-62, оп. 1, ед. хр. 115 за 1941 г., л. 1.
- 73 РФ ГАЯО, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 1054, л. 52.
- 74 РФ ГАЯО, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 1054, л. 3.
- 75 РФ ГАЯО, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 1272, л. 116.
- 76 РЯ АХМЗ, Р-1303, л. 32.
- 77 РЯ АХМЗ, Р-1303, л. 28.
- 78 РФ ГАЯО, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 1272, л. 70.
- 79 РФ ГАЯО, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 1272, л. 116.
- 80 РФ ГАЯО, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 1272, л. 7.
- 81 РФ ГАЯО, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 1272, л. 16.
- 82 РФ ГАЯО, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 1272, л. 28.
- 83 Суслов И. М. Ростовская эмаль... С. 24; Тюнина М. Н. Ростов Великий... С. 81; Тюнина М. Н. Ростов Ярославский... С. 112; Кривоносов В. Ростовский музей-заповедник... С. 153.
- 84 РЯ АХМЗ, А-1303, л. 28.
- 85 РФ ГАЯО, ф. Р-140, оп. 1, ед. хр. 81, л. 208—209.